

УДК 165

**ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ Н.А. БЕРДЯЕВА:
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

© 2013 г.

*Л.П. Сидорова*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижегородский филиал

LudmilaSidorova.sgn@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.11.2012

Рассматривается экзистенциально-онтологический аспект гносеологической концепции Н.А. Бердяева. Отмечается, что природа и сущность познания, с точки зрения русского мыслителя, раскрывается в истинном понимании бытия, в центре которого находится человек и идея творчества, что подразумевает «онтологизацию истины» и приобретение в процессе познания особого статуса духовной сферы и личностного усилия.

Ключевые слова: творчество, истина, бытие, рациональность, субъект, объект, разум, интуиция, познание.

Одной из самых значимых черт русской философии является ее онтологичность. Тема бытия считается наиболее проработанной и важной во всей отечественной философской традиции. Однако онтология приобретает иное звучание в творчестве русских религиозных философов XIX – начала XX вв., таких как Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, П. Флоренский, С. Булгаков, Л. Шестов и др. Несмотря на ярко выраженную онтологическую направленность учений этих отечественных мыслителей, гносеологические проблемы также находились в поле их интеллектуальных поисков. Однако рассмотрение вопросов познания не ограничивалось узкой сферой гносеологии, а являлось частью онтологических построений. Поэтому в русской философии происходит так называемая «онтологизация истины», благодаря чему в процессе познания особый статус приобретают духовная сфера и личностное усилие.

Большой вклад в разработку оригинальной теории познания, в центре которой не просто познающий субъект, но личность во всех ее проявлениях, внес знаменитый русский философ Н.А. Бердяев. Безусловно, Н.А. Бердяева нельзя назвать гносеологом – таким, как был, например, И. Кант. Сам мыслитель всегда критически относился к гносеологии, исследователи его творчества в основном обращали свое внимание на идеи о философии истории, этики, теории культуры и пр., не выделяя особо в качестве объекта изучения теорию познания. Несмотря на это, Н.А. Бердяев достаточно много и плодотворно рассуждал о вопросах истины и ее

критериев, о соотношении веры и знания, о цельности разума, о взаимоотношениях субъекта и объекта познания, о предназначении знания и о других важных проблемах познания.

Необходимо отметить, что Н.А. Бердяев отчетливо видел и осознавал наступающий кризис научного мышления и самой идеи науки, которая не могла больше опираться на прежние основания. Этот кризис русский мыслитель связывал с кризисом всей новейшей европейской философии, сущность которого заключается в отрицании всей новой и новейшей философией главной цели познания – соединения познающего с бытием.

Процесс формирования классических субъект-объектных отношений Н.А. Бердяев отождествляет с процессом деонтологизации природы. Согласно его идеям, философия Нового времени исходит не из первичного бытия, а из рационализированной и объективированной субъектом реальности. Знание, которое получено в результате взаимодействия субъекта и объекта, по мнению Н.А. Бердяева, является вторичным. Философ убежден, что до всякой рациональной рефлексии, до разделения на субъект и объект существует некое первичное знание, в котором присутствует живая связь с бытием. Но эта связь была утрачена новейшей европейской философией, поэтому познание бытия становится невозможным. Кроме того, необоснованное распространение науки на сферы морали, религии и философии приводят Н.А. Бердяева к выдвиганию некоторых гносеологических идей, которые, по его мнению, могли бы стать аль-

тернативой классической теории познания и возможным путем выхода из наступающего кризиса.

Критикуя положение научной философии о том, что результаты познания должны быть общеобязательными, Н.А. Бердяев предполагал, что «логическая общеобязательность связана с низшей ступенью духовной общности людей, основанной на коммуникации» [1, с. 25]. Например, для признания истины в области естественных наук, общность людей практически не нужна. Но в социальных науках роль коммуникации между людьми становится очень важной. Что же касается философского познания, то Н.А. Бердяев отмечает невозможность его абстрагирования от человеческого существования, для постижения истины здесь необходима духовная общность. Объективированное познание всегда имеет дело только с «общим», а не с «индивидуальным», оно реализуется в мире «данности и необходимости», хотя в рамках этого мира оно имеет позитивное значение.

Поэтому неверно предположение, что метафизическое познание является таким же общезначимым, как и математическое. По мнению Н.А. Бердяева, это одна из причин, по которым метафизика никогда не сможет стать научной. Кроме того, мыслитель утверждает, что «познает целостный человек» и именно «целостный человек, а не разум, создает метафизику» [2, с. 183]. Наукообразной метафизике Н.А. Бердяев противопоставляет метафизику, основанную на духовном опыте: «Метафизика может быть лишь познанием духа, в духе и через дух, в субъекте, творящем духовные ценности, трансцендирующем не в объект, а в собственную раскрывающуюся глубину» [2, с. 184].

Первостепенную же роль в духовном объединении Н.А. Бердяев отдает социологии познания. Она устанавливает связь между самим познанием и проблемами общества, общения, коммуникации: «Познание, – пишет Н.А. Бердяев, – бесспорно, имеет социальный характер, и этот социальный характер недостаточно еще выявлен теорией познания. Познание есть общение между людьми, установление связи и взаимного понимания» [3, с. 263]. Н.А. Бердяев считает, что сторонники научной философии не замечают важности общения и понимания в процессе познания, поэтому подлинный смысл философии для них скрыт. Мыслитель настаивает на творческой природе философии, где акт познания есть акт открытия смысла и его постижение. Решающее значение в познании – за эмоциональной и волевой напряженностью, связанной с целостным духом, а «чисто интел-

лектуальное, дискурсивное познание создает объективированный мир, при котором нет соприкосновения с реальностью» [2, с. 183], логическое мышление носит «инструментальный характер и господствует лишь в середине пути». Поэтому наука воспринимается Н.А. Бердяевым только как приспособление к миру необходимости, она ограничена его рамками, критерии науки не должны распространяться на все формы отношения человека с миром. «Наука создает свою действительность. А философия и религия создают совсем другие действительности» [4, с. 21]. Познание творческое, «мудрое» носит совершенно иной характер, нежели познание логическое. Философское познание основано на творчестве и свободе, истина постигается в трансцензусе, на грани: «Акт познания есть трансцендирование, потому что трансцендирование есть напряженность всего существа» [2, с. 184]. «Философия, – пишет Н.А. Бердяев, – есть искусство познания в свободе через творчество идей» [4, с. 27]. Поэтому она, как и искусство, должна быть независима от науки.

Одна из причин сделать философию научной, как уже отмечалось выше, – это желание придать ей статус общеобязательной. Научность же – это единственная форма общеобязательности. Но истина, по мнению Н.А. Бердяева, не всегда должна быть наукообразной и внешне объективной; напротив, субъективная истина может открывать больше смысла. «Ведь должно признать, что истина может открываться через искусство Данте и Достоевского или через гностическую мистику Якова Беме в гораздо большей степени, чем через Когена или Гуссерля» [4, с. 31]. Достижение необязательной истины основано на духовном общении и понимании, научная же истина основана на формализме, на «юридическом общении». В этом и заключается проблема общеобязательности. Истины физики, например, могут быть общеобязательными для многих (даже разобщенных) людей, а истина о смысле мира постигается только при высшей форме духовного общения. Это духовное общение, которое в русской религиозной философской традиции приобретает форму соборности, основано на творческой интуиции. Поэтому Н.А. Бердяев считает, что философия должна основываться именно на творческой интуиции, которая позволяет «проникать в смысл», а не на дискурсивном мышлении. Философская интуиция существует до науки, поэтому не может быть логики философии, философия не должна оправдываться и обосновываться с помощью науки. Интуиция – это инструмент «непосредственного касания

бытия», средство «интимного погружения» микрокосма в макрокосм с целью приобщения познающего человека к Логосу.

Размышляя о критериях истины и ее сущности, Н.А. Бердяев критикует классическую гносеологическую концепцию, которая сложилась в Новое время. Представление о познании как о простом отражении реальности не устраивает мыслителя. «Истина не есть дублирование, повторение бытия в познающем. Истина есть осмысливание и освобождение бытия, она предполагает творческий акт познающего в бытии» [4, с. 94]. Субъект не должен восприниматься только как зеркало, в котором отражается объект. Н.А. Бердяев не может допустить, что мысль субъекта пассивна в процессе познания, ведь превращение материального объекта в «интеллектуальное событие» требует познавательной активности субъекта. Если допустить, что познание есть только отражение, то в мире не рождалось бы ничего нового. Познание всегда что-то «прибавляет к действительности», познание привносит смысл, оно носит творческий характер. «Познание, – пишет Н.А. Бердяев, – не есть только отражение бытия во мне, как познающем, оно неизбежно есть также творческая реакция моей просветленной свободы на бытие, а значит, изменение бытия» [3, с. 259].

Противопоставление субъекта и объекта познания приводит к тому, что бытие исчезает и становится недоступным познанию. Познание подменяется объективацией, под которой Н.А. Бердяев понимает «внедрение в мир падший, отчужденность и скованность». Философ выделяет несколько ступеней объективации в познании. Наиболее объективированное – научное познание, поскольку объект существует вне и независимо от субъекта. В этом познании отражается Логос, но оно не раскрывает внутреннюю тайну бытия. Следующая ступень – познание социального мира. Но это тоже еще объективированное познание, которое отвлечено от экзистенциального субъекта. Философское познание также включает в себя элементы объективации, но оно стремится стать необъективированным познанием и поэтому считается мыслителем самым ценным.

Чтобы философия стала действенным познанием, ей нужно отказаться от интеллектуальной, отвлеченной истины в пользу «живой истины», открывающейся лишь в акте творческого осмысления бытия. «В философии истина показывается и формулируется, а не доказывается и обосновывается. Задача философии – найти наиболее совершенную формулировку

истины, увиденной в интуиции, и синтезировать формулы» [4, с. 156]. Познание, предполагает Н.А. Бердяев, есть активный процесс, не просто действие объекта на субъект, но осмысление того, что приходит от объекта, оно есть «установление сходства и соизмеримости между познающим и познаваемым». Поэтому истина всегда динамична и предполагает движение. Истина не только отражение реальности, соответствие другому, она есть творческое открытие. Она всегда первична, она сама есть реальность, смысл бытия. Истина преобразует реальность, изменяет ее. По мнению Н.А. Бердяева, с помощью исключительно интеллектуальных усилий нельзя познать истину, для этого нужны воля, чувства, свобода, творчество. «Познание не есть только интеллектуальный процесс, в нем действуют все силы человека, волевое избрание, притяжение и отталкивание от истины» [4, с. 293]. Истина – это не то, что обязательно для всех. Ф. Ницше отказался от объективной истины, и Н.А. Бердяев поддерживает в этом немецкого философа. Истина открывается лишь в определенных культурных, интеллектуальных и духовных условиях. Когда истина становится доступной многим, она теряет свою глубину. Истина «коммуотарна», т.е. предполагает общение людей как свободных личностей.

Истина как целое, предполагает Н.А. Бердяев, есть Дух. Но целое не может существовать без частей. Частные истины открываются разными науками и относятся к миру объективации. «Единая целостная Истина разбивается на множество истин» [5, с. 291]. Н.А. Бердяев не отрицает важность таких частных истин, особенно в точных науках. Но нельзя оставаться только в их рамках, признавая за ними универсальность и забывая об истине целостной. Задача всех частных истин – в приобщении к единой истине. Наука ищет истину, но она имеет границы и не может ответить на многие мировоззренческие вопросы, а значит, научная истина не является истиной в последней инстанции. Поэтому Н.А. Бердяев резко критикует позицию сциентизма. Кроме того, Н.А. Бердяев считает, что критерии пользы и выгоды также не могут быть применимы к истине. Он восстает и против абсолютизации критерия разумности истины, указывая на тот факт, что многие философы, такие как С. Кьеркегор, Ф.М. Достоевский, Ж. де Местр, видели критерий истины в абсурде, отчаянии и даже страдании. Поэтому классическое понимание истины и ее критериев должно быть пересмотрено, основы истины должны измениться. Разум уже не может быть определяющим и единственным критерием ис-

тины, его авторитет пошатнулся. Н.А. Бердяеву он видится всего лишь одним из многих существующих критериев. Познающие в любой сфере всегда руководствуются законами логики, но они не должны забывать о духовной сфере, которую Н.А. Бердяев называет «Разум-Слово». Он не исключает разум из процесса познания, но хочет, чтобы он стал целостным. Н.А. Бердяев стремился к восстановлению именно духовного статуса разума. Только одухотворенный разум есть действительно высшая человеческая ценность. Разум не может быть автономен от оценок человека, его чувств и сознания. «Философия должна не отрицать разум, а раскрыть противоречия разума и имманентно обнаружить границы его» [3, с. 233]. Свои границы разум обнаруживает, когда встречаются рациональное и иррациональное, парадоксальное, противоречивое. Но в осознании своих границ, отмечает Н.А. Бердяев, не только слабость разума и познания, но и их сила. Мыслитель выделяет два типа познания: познание как объективация (когда разум не трансцендирует свои границы, а познание рассматривается лишь в перспективе общества) и познание как бытие и существование (когда разум трансцендирует к иррациональному, а познание есть приобщение к индивидуальному). Первый тип познания есть слабость, а второй – сила разума. Разум должен выходить за свои пределы, расширяться, и только тогда он сможет постичь истину. Поэтому Н.А. Бердяев считает, что идея рационализации всех сфер жизни ложная, достижение единства знания невозможно только на почве науки. Здесь философ снова выходит на проблему общества. Единство может достигаться только в общении и приобщении, а не в объективированном обществе. Человек должен относиться к другому человеку как к «Я», а не как к объекту. В таком общении и познание становится иным, ведь смысл не раскрывается данным нам объектом, смысл появляется только при существовании познающего субъекта. Поэтому рационализованное и объективированное познание не может претендовать на статус главенствующего, оно должно слиться с бытием, с существованием человека. «Законы природы» есть лишь судьба человека.

Если познание – это творческий акт, который может осуществить только человек, то «человек – предпосылка всякого философского познания». Истина философии может открыться только человеком. Познание исходит от человека, имеет личностный характер. Познает и философствует всегда личность. Н.А. Бердяев упрекает И. Канта, И.Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегеля в

том, что познающий перестал быть человеком. Философию стремятся освободить от субъективного присутствия человека в познании, чтобы избежать психологизма и релятивизма. Н.А. Бердяев же предполагает, что антропологизм не всегда означает релятивизм, поскольку в человеке заложены познавательные возможности, значит, он должен познавать как субъект. Проблема немецкого идеализма, с точки зрения Н.А. Бердяева, заключалась в том, что человек оказался за рамками философии, познавать стал Божественный дух, мировой разум. Человек лишь «исполняет веления трансцендентального сознания». В трансцендентальном сознании как субъекте И. Канта и в «Я» И.Г. Фихте нет ничего человеческого, личность познавателью не активна. На наш взгляд, упрек философа не полностью оправдан, поскольку понимание И. Кантом субъекта познания – это качественно новый уровень по сравнению с картезианским представлением. Главной же проблемой немецкого идеализма можно считать молчание субъекта, его пассивность. У Г.В.Ф. Гегеля это так, И. Кант же наделяет субъекта активностью, но активностью только познавательной. Все иррациональные порывы субъекта выводятся за скобки. Поэтому кантовский субъект понимается только как познающий, но не страдающий, любящий, верующий. Скорее всего, именно это положение и критикуется Н.А. Бердяевым.

Человек – это бытие, существовавшее до познания бытия, поэтому сама возможность познания существует благодаря бытию человека. Н.А. Бердяев настаивает на том, чтобы человек начал восприниматься не только как часть природы и объективированного мира, а как «бытие в себе», «во внутреннем его существовании». «Тогда и проблема познания будет поставлена вне противоположения субъекта и объекта, как противоположения познания и бытия» [3, с. 246]. В гносеологии субъект должен иметь характер не психологический, а онтологический. Человек есть бытие. Ничто объективное не может иметь смысла, если не раскрывается в духе, в человеке. Поэтому, сам субъект и его познавательные категории находятся в бытии, являясь его частью. Бытие не может зависеть от познавательного акта, оно существует до него. «Нужно решительно порвать с тем гносеологическим предрассудком, что всякое познание есть рационализирование, объективирование, суждение, дискурсивное мышление» [5, с. 72].

Н.А. Бердяев задается вопросом, почему научное познание возможно, а религиозное – нет. «Можно ориентировать гносеологию на

факте естественных наук, можно ориентировать на факте исторических наук, нельзя ли ориентировать гносеологию на факте религиозного откровения» [5, с. 73]. С точки зрения Н.А. Бердяева, необходимо допустить, как минимум, что наука и религия равнозначны. Гносеология должна основываться не только на факте науки, но и на факте веры и откровения. Признание точки зрения, что только наука является «истинно-сущим», только научное знание есть бытие (которой, в частности, придерживался Г. Коген), представляется Н.А. Бердяеву в корне неверной. И рационалисты, и эмпирики признают, что разум или опыт копируют реальность. Но тогда в чем значение такого познания как отражения? Субъект, который находится в неразрывной связи с объектом, творит новые ценности, «развивает бытие к совершенству», а не просто пассивно дублирует действительность. В подобном акте познания бытие самораскрывается, самопознается. «Истинное познание какого-нибудь объекта, – пишет Н.А. Бердяев, – есть также и самопознание этого объекта, этот объект – также и субъект, субъект и объект – тождественны» [6, с. 120]. Ценность знания заключается в том, что бытие становится «более истинным».

Таким образом, Н.А. Бердяев настаивает на творческом, или гносеологическом, реализме, противопоставляя его критицизму, эмпиризму и рационализму. Он предполагает «реалистический тезис относительно бытия, реалистический критерий истины и реалистическое понимание процесса познания» [5, с. 129]. Познание должно быть тождественно бытию, знание не должно быть отвлечено от жизни бытия. Знание есть бытие, утверждал Н.А. Бердяев, но не наоборот, как предполагал Г.В.Ф. Гегель. Объект не может существовать отдельно от субъекта, напротив, он присутствует в знании «своей действительностью». Субъекта также не может быть вне и до действительности, иначе субъект был бы ничем, пустотой. Поэтому Н.А. Бердяев предполагает, что всякая гносеология должна исходить не из вторичного субъекта, а из того, что первоначально дано в бытии, из самого бытия. Мышление есть функция бытия. К гносеологии можно прийти только из бытия, но к бытию невозможно прийти из гносеологии. Само бытие, а не учение о бытии, питает «онтологическую» гносеологию «живительными соками». Здесь мыслитель понимает бытие не в форме функции «жизни индивидуальной души», как считается в психологизме. Бытие в понимании Н.А. Бердяева является универсальным, данным человеку первоначально, непосредственно. Философ говорит, что ошибаются представители гносеологических

направлений, которые думают, что категории бытия, такие как, например, пространство и время, принадлежат самому субъекту, его мышлению. Все логические законы и категории есть свойства материального бытия, которое подчиняется закону необходимости. Именно с такой реальностью имеет дело наука. Но эта действительность лишь «болезненное состояние» бытия, за которым скрывается его сущность.

На наш взгляд, очень важно, что Н.А. Бердяев, не признавая за научным знанием методологического авторитета, также не признает его и за знанием религиозным, критикуя как научный, так и религиозный догматизм. И наука, и религия, и философия открывают перед познающим широкие возможности. Знание должно расширяться; говоря словами Н.А. Бердяева, разум должен трансцендироваться, включая в себя веру, чувства, интуицию и другие иррациональные составляющие. «Философское познание есть духовный акт, в котором действует не только интеллект, но и совокупность духовных сил человека, его эмоциональное и волящее существо» [3, с. 235]. Ошибочно было бы предполагать, что человеческие эмоции субъективны и только мышление носит объективный характер. Не только Н.А. Бердяев, но и практически все представители экзистенциальной философии настаивают на обратном. Большинство эмоций в значительной степени «социально-объективировано», мышление же очень часто оказывается субъективным, не зависящим от каких-либо «социальных группировок».

Таким образом, Н.А. Бердяев не отрицал значение разума в процессе познания, но предполагал, что разум есть понятие не гносеологическое, а онтологическое, разум творящий, а не созерцающий, – высшая ценность бытия.

Если этого не понимать, то *ratio* становится «судьей» бытия; такой рационализм идет не от бытия, а от самого себя и превращается в «отвлеченный» рационализм. Подобная «отвлеченная» гносеология, – утверждает Н.А. Бердяев, – потеряла реальный объект, запуталась в словах и терминах, которые преградили людям путь друг к другу. На порочное стремление рационализма «вогнать бытие в понятие» указывал и М. Хайдеггер. Природа и сущность разума раскрывается только в истинном понимании бытия. Таким образом, вся рациональная проблематика помещается Н.А. Бердяевым в экзистенциально-онтологическую сферу. В поисках высшей истины философ стоит на позициях, противоположных классическому рационализму. Такой подход близок практически всей русской религиозной философии, которая, как пояснял

С.Л. Франк, движется не от cogito к sum, а от sum к cogito.

Н.А. Бердяев предполагает, что следует искать критерии истины не только в интеллекте и в разуме, но в «целостном духе», который включал бы в себя и разум и интеллект. По его мнению, нельзя отделить жизнь интеллектуальную от жизни эмоциональной, связанной с волей и интуицией. Разум не может быть автономен от оценок человека, его чувств и сознания; он должен не противопоставляться им, а, расширяясь, включать в себя. Поэтому истинное знание – это не научное, и не религиозное знание, но знание, которое есть живой источник мысли. Оно должно позволять открывать скрытое, разгадывать тайны бытия. «Все истины равны», религиозный же гнозис лишь дополняет научную истину до истины полной и цельной, превращает ее «в истину как путь жизни».

Кроме того, Н.А. Бердяев настаивает на том, что подлинная гносеология должна быть творческой по своей природе. В работе под названием «Смысл творчества» философ задается закономерным вопросом: «Есть ли познание творческий акт, или оно есть послушание, приспособление к необходимости?» – и дает на него однозначный отрицательный ответ, утверждая, что познание – это прежде всего творческое осмысление действительности. Познавательный акт,

согласно Н.А. Бердяеву, это попытка преображения бытия, а не только слепое согласие с объективными научными фактами о реальности. Философ считает необходимым обновить представления о гносеологии, переосмыслить ее классический образ: «Творческой эпохе и творческой философии свойственна и иная гносеология, которая прольет свет на относительную и частную истину старой, подзаконной гносеологии. Иная, новая гносеология целиком покоится на идее человека как человека как микрокосма и центра вселенной. <...> Человек-микрокосм силен динамически себя выразить в макрокосме, властен творить бытие, претворить культуру в бытие» [4, с. 133].

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Pro et contra. Кн. 1 / Сост., вступ. ст. и прим. А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1994. 576 с.
2. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики // Творчество и объективация / Сост. А.Г. Шиманский, Ю.О. Шиманская. Мн.: Экономпресс, 2000. С. 241–295.
3. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2006. 414 с.
5. Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: АСТ, 2005. 333 с.

WESTERN AND RUSSIAN CONCEPTS OF RATIONALITY: COMPARE ANALYSIS

L.P. Sidorova

This article analyzes the ideas of rationality in modern Western and Russian philosophy. Particular attention is paid to changes in the way of rationality in the context of contemporary social and cultural realities.

Keywords: rationality, communicative rationality, convergence, dialogical, complementarity.